

**Елена
Михалкова**

Детективы Елены Михалковой:

Знак истинного пути
Время собирать камни
Дом одиноких сердец
Темная сторона души
Жизнь под чужим солнцем
Остров сбывшейся мечты
Водоворот чужих желаний
Рыцарь нашего времени
Призрак в кривом зеркале
Танцы марионеток
Улыбка пересмешника
Дудочка крысолова
Манускрипт дьявола
Иллюзия игры
Золушка и дракон
Алмазный эндшпиль
Восемь бусин на тонкой ниточке
Комната старинных ключей
Котов обижать не рекомендуется
Кто убийца, миссис Норидж?
Тайна замка Вержи
Пари с морским дьяволом
Охота на крылатого льва
Нежные листья, ядовитые корни
Черный пудель, рыжий кот,
или Свадьба с препятствиями
Бумажный занавес, стеклянная корона
Пирос из горького миндаля
Закрой дверь за совой
Нет кузнечика в траве
След лисицы на камнях
Кто остался под холмом
Человек из дома напротив
Самая хитрая рыба

Елена Михалкова

Темная
сторона
души

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Дизайн обложки — *Екатерина Елькина*

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Темная сторона души : [роман] / Елена Михалкова. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Идеальный детектив).

ISBN 978-5-17-117881-9

В безмятежной деревне произошла трагедия. Жестокая и деспотичная старуха убита одним из тех, над кем она издевалась.

Дочь боялась ее, внуки презирали, соседи ненавидели. Но кто из них решился на убийство?

Поначалу дело кажется простым. Но столкнувшись с ним ближе, частные детективы Макар Илюшин и Сергей Бабкин понимают, что их ждет одно из самых сложных расследований.

О том, какие черные тайны скрывает тихая дачная жизнь, читайте в детективном романе Елены Михалковой «Темная сторона души».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117881-9

© Михалкова Е.
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Она сама виновата. Зачем она подталкивает меня к тому, чего мне не хочется делать? Зачем она говорит эти слова, после которых у меня нет другого выхода, кроме как убить ее? Зачем она остается одна в своем доме – доме с открытыми настежь дверями и окнами, через которые внутрь может попасть любой? И зачем так спокойно лежит на кровати, будто только и ждет, когда я приду и сделаю то, к чему она меня вынуждает?

Если была бы хоть маленькая преграда, чтобы остановиться, сказать себе «нельзя», сказать: «Оставь, она сама умрет через пару-тройку лет!» Но такой преграды нет, и даже калитка возле ее дома закрывается на маленький перекидной крючок сверху, а мне ли не знать, как он откидывается.

Может быть, сегодня кто-нибудь из детей запрет калитку на засов? Но она открывается легко, как обычно. Может быть, эта женщина закроет изнутри входную дверь? Нет, не закроет. Ей не до того – она лежит на кровати, ухмыляясь, и ждет только новой жертвы, в которую сможет всадить очередную порцию своего яда.

Для меня ее яд смертелен. Да и для многих других тоже. Я же вижу это, как бы они ни прятались, ни маскировались, ни закрывались картонными лицами с ухмыляющимися рожцами. «У нас все хорошо!», «У нас все здоровы!»

Неправда. Вы не здоровы, вы уже заражены – заражены ее ядом, так быстро действующим на вас – весе-

лых, хороших, добрых... и совершенно беззащитных. Я прекрасно знаю: вы ничего не сможете с ней сделать именно потому, что вы такие хорошие и правильные.

Но я смогу. Я смогу, потому что мне нужно защитить от ее яда себя – себя в первую очередь, иначе моя жизнь прекратится. Поэтому сейчас я зайду за колышущуюся занавеску, подойду к кровати, на которой лежит ухмыляющееся существо, и сделаю то, что нужно сделать, – закончу ее жизнь, ее собственную дрянную, гадкую, неправильную жизнь, и мне даже не будет страшно или противно.

Она сама виновата.

ГЛАВА 1

Традиции постепенно терялись.

Дедушка с бабушкой еще пили чай за круглым столом, покрытым кружевной скатертью, на которой желтела тень от тонкого фарфорового чайника с треснувшей крышкой. Крышка была заботливо склеена дедушкой, скатерть, между прочим, связана собственноручно прабабушкой, а зеленые цветы по краям вывязаны ее сестрой, которая одна во всей семье умела вязать такие тонкие, нежные кружевные цветы, почему-то всегда зеленого цвета. Над столом висела старая люстра с тысячей маленьких звонких стекляшек, на комодке стояла узорчатая коробочка со старым, пожелтевшим лото, которую обязательно доставали после чая и ставили на стол. Это была традиция – лото после чая с пирогами, и еще непременно разговоры обо всем на свете, которые Маша слушала, затаив дыхание.

Обсуждали политику Кубы, историю побега Наполеона, рецепты приготовления моченых яблок, путешествие на «Кон-Тики», растительность Средней Азии и тысячу других невозможно интересных вещей. Бабушка вязала крючком свои бесконечные шали, дедушка потягивал остывший чай с ароматом яблок, а Маша, папа и мама раскладывали деревянные бочонки на плотных,

треснутых карточках с цифрами, пахнувших, как паутина в углу за печкой.

Чайник разбился, люстру поменяли на современную, скатерть убрали в комод, бочонки из лото растерялись один за другим. И бабушка с дедушкой умерли. Теперь за чаем собирались втроем: родители и Маша. Конечно, беседовали по-прежнему, но чаевничали не каждый день, а только по выходным, и беседы стали не такими интересными. Маша пару раз пыталась расстелить на столе старую скатерть с зелеными цветами, но родители недоуменно пожимали плечами: зачем, если есть такая красивая клеенка с геометрическим рисунком? И Маша отступала, сворачивала скатерть, аккуратно складывала в большой пакет и возвращала на место, в верхний ящик комода.

Правда, совместный чай по выходным еще оставался, и оставалось яблочное варенье – то, как его варили. Маша привозила на дачу своих друзей, и все садились под самой старой яблоней ранеткой, раскинувшейся около дома, чистили яблоки, складывая кусочки в огромные тазы, а потом мама заливала все это богатство сахарным сиропом и варила, варила, варила, так что по всей деревне расплывался запах яблочного варенья. Папа аккуратно раскладывал варенье по банкам, и банки прятали в погреб.

Но традиции постепенно терялись, разбазаривались со временем так бездумно, что Маше иногда становилось до слез обидно. Родители приезжали на дачу все реже. Друзья предпочитали отдыхать на курортах за границей, где было «все включено». Когда Маша слышала это «все включено», ей сразу вспоминалась бабушка, всю жизнь экономившая электричество и любившая покрикивать, войдя в дом: «Почему у вас все включено, а? Тут лампа, там лампа, здесь два светильника горят.

Ишь, устроили иллюминацию среди бела дня!» И Маше казалось, что друзья приезжают на такие курорты, где все залито безжалостным светом тысяч ламп, от которого некуда деться.

Она вышла замуж. Родился Костя, которого чуть ли не с самого рождения стали привозить на их старенькую дачу. Маше было там хорошо, несмотря на туалет на улице и стирку руками в холодной воде, а вот Игорь быстро начинал ныть: «Хочу домой, хочу в город...» В лесу ему было скучно, на реке ему было мокро, в саду скучно и мокро. Он был до мозга костей городским, и даже деревенская тишина с пением птиц по утрам и стрекотанием ночных кузнечиков нервировала его. Он любил просыпаться под шум машин, а откуда же возьмется шум машин в маленькой деревеньке, до которой даже асфальтовую дорогу не проложили и пять километров от леса шла кривая ухабистая колея?

Когда они развелись, Игорь сообщил:

– Машка, ты меня знаешь: помогу всем, чем смогу. Но в твоё Простоквашино я больше ни ногой!

– Сдалась мне там твоя нога, – парировала Маша. – Только грядки топчешь. И не Простоквашино, а Засорино!

– Засорино... – закатил глаза супруг, теперь уже бывший. – О, прекрасное Засорино, которое я больше не увижу, надеюсь, никогда! Милые, добрые засоринцы, живите в мире и спокойствии. Не лицезреть мне отныне ваши рожи, не обремененные интеллектом. И слава богу!

– Иди на фиг, – сказала Маша. – Сам ты рожа, не обремененная интеллектом.

В глубине души она признавала некоторую правоту за Игорем, что не мешало ей любить деревню нежной любовью. И Костя обожал Засорино – там был лес, была река, там были его приятели – мальчишки, которых родители привозили на все лето к бабушкам-дедушкам –

в общем, полное раздолье. Они приезжали вчетвером, с Костиными бабушкой и дедушкой, сразу затапливали печку-голландку, и, пока она трещала поленьями, Маша доставала сваренную еще в городе картошку и резала колбаску, обжаривая кружочки на сливочном масле. Колбаска сердилась, шипела и плевалась маслом в разные стороны, и Маша проворно отскакивала от плиты. Потом довольный Костя лопал колбасу, закусывая ее картошкой, и, казалось, даже волосы у него вставали заборчиком от удовольствия.

– Классно, что приехали, – мычал он с набитым ртом. – Только бы завтра дождя не было.

День, когда они потеряли их маленький дом, стал для Маши черным. Ей было очень стыдно за то, что даже известие о болезни матери она восприняла не так остро, как решение родителей продать дачу, чтобы хватило денег на больницу. Когда она позвонила отцу и заикнулась о том, чтобы пожертвовать машиной, а не домом, он отрезал:

– Машина нужна для дела, а дача – блажь, баловство. И без дачи можно прекрасно обойтись.

«А как же Костя?» – хотела спросить Маша, но промолчала. Отец весь был на нервах, и убеждать его в том, что внуку необходимо уезжать на лето из города, было бесполезно.

– А если ты хочешь для Кости хорошего отдыха, то начинай нормально зарабатывать и вывози его на море, – безжалостно прибавил отец, словно прочитав ее мысли. – А то все горазды пользоваться родительским, на свое, видишь ли, заработать не могут.

Маша так опешила от его злых и несправедливых слов, что даже не нашлась, что сказать. Отец положил трубку, а через два месяца домик в Засорине продали

семейной паре, которая собиралась поселить там своих старых родителей.

Вопросом, куда же поехать на лето с двенадцатилетним Костей, Маша озадачилась с начала зимы, как только мама пошла на поправку. Сценарии для детской передачи, которые она писала, давали ей неплохой заработок, но его хватало только на жизнь. Откладывать не получалось, как Маша ни пыталась, – обязательно в самый неподходящий момент возникали экстренные ситуации, которые требовали денег и съедали все скромные Машины сбережения. Она пыталась найти подработку, но тогда оставалось меньше времени на придумывание сценариев. Чем ближе к концу подходила зима, тем в большее отчаяние впадала Маша – перспектива сидеть с Костей все лето в душном городе приводила ее в ужас. Тем более что сама она ни одного лета так не проводила – ее работа позволяла уезжать куда угодно, был бы с собой компьютер, и Маша давным-давно купила гудящий тяжелый ноутбук, который и перевозила каждый год в Засорино в конце мая.

Она позвонила в несколько туристических агентств, облазила форумы и выяснила, что на те деньги, которые ей все-таки удалось отложить к весне, можно поехать только в Крым или на юг России: снимать там частное жилье с туалетом на улице, готовить самим, но зато жить у моря. Правда, максимум месяц.

На море Маше не хотелось. Нет, в Грецию, Испанию или в Болгарию она поехала бы с удовольствием. С тем большим, что никогда не была в этих странах. Но, отдохнув один раз в небольшом городке под Сочи и другой – в Крыму, она на всю жизнь запомнила грязные, замусоренные пляжи, песок, в котором легко можно было напороться на битое стекло, хамоватых официантов в кафе и фрукты по московским ценам.

– Скажите, а почему у вас персики стоят дороже, чем в Москве? – как-то раз удивленно спросила она толстую бабу около их пансионата, небрежно взвешивающую свой товар.

– Ой, вот и ехай в свою Москву, раз тебе там дешевле, – лениво протянула баба, даже не взглянув на Машу. – То-то я посмотрю, как там твой заморыш будет жить.

Неожиданное хамство и слово «заморыш» применительно к худенькому высокому Косте, жадными глазами смотрящему на фрукты в коробках, привело Машу в бешенство. Она никогда не умела скандалить с продавщицами в магазинах, но сейчас ей захотелось вцепиться торговке в обесцвеченные перекисью волосы и макнуть ее наглой мордой в ящик с подпорченными персиками, стоящий у той под ногами. Но тут над ухом раздался голос Игоря:

– Персики покупаешь? А я там хорошие груши нашел, и недорого.

– Не покупаю, – сквозь зубы ответила Маша. – Пойдем отсюда.

В общем, вспоминать те поездки было неприятно, и на юг Маше не хотелось. Не говоря уже о том, что оставлять ноутбук в комнатке, ключи от которой будут у хозяев, попросту опасно. Рисковать ноутбуком Маша не могла.

Обдумав все варианты, она позвонила Игорю. Они поддерживали хорошие отношения, хотя с Костей, по ее мнению, Игорь мог бы видаться и почаще. Но в целом бывший муж из него получился почти идеальный. «Куда лучше, чем просто муж», – иногда думалось Маше. Их отношения за шесть лет брака исчерпали себя и закончились, как заканчивается борщ в кастрюле: с одной стороны, жаль, что не осталось, с другой – было вкусно, да и можно сварить еще. Правда, последние два года, когда оба они

уже не любили друг друга и мучились из-за этого, были тяжелыми для Маши. Но у нее был Костя – любимый Костя, кареглазый Костя, похожий на веселого олененка, весело выкидывающего тонкие прямые ножки в разные стороны. А у Игоря – та девушка, появление которой и помогло им расставить все по своим местам. Девушка потом исчезла, ее место заняла другая, но Игорь так и не женился, проводя жизнь в свое удовольствие.

– Игорь, помоги нам, пожалуйста, – попросила Маша, позвонив ему. – Не могу я Костю летом в городе оставить. Ну не могу! Подкинь денег, а? Или – хочешь, давай вместе куда-нибудь поедем. Ты же знаешь, тебе со мной нормально будет... Или у тебя сейчас подруга? – спросила она, почувствовав по молчанию на том конце провода, что ее предложение Игорю не понравилось.

– Да нет... не подруга... – пробормотал бывший муж. – Не в бабе дело. Понимаешь, нет у меня сейчас денег, правда.

– Может, в банке... – начала Маша, зная, что под Игореву стабильную зарплату можно было бы взять кредит.

– Ты понимаешь, какая проблема: я с работы уволился, – неохотно сказал Игорь. – Пытаемся с Володькой Красновым кое-что свое раскрутить. Не хочу говорить ничего пока, но – сама понимаешь: сажу с голой задницей, все, что было, в дело вложил. Ты меня знаешь, я для Кости и кредит бы взял, и с вами бы поехал. Нету, Маш. Честное слово.

Маша поверила ему и без всяких честных слов. Игорь и раньше иногда говорил, как ему надоело работать на других, его мечтой был свой бизнес, хотя бы маленький. Но узнать, что бывший муж собрался раскручивать бизнес именно сейчас, стало для Маши неприятной неожиданностью. Последний путь к тому, чтобы вывезти сына из Москвы хотя бы на месяц, оказался тупиковым.

Маша совсем приуныла. Наступил май, деревья окутались зеленым дымом, в котором, если подойти поближе, можно было различить маленькие листики. Она срывала листик, вертела в руках, растирала между пальцами и жадно принюхивалась, с тоской вспоминая деревню и проданный дом. Помыкавшись неделю в раздумьях, Маша решила, что делать нечего, придется ехать в нелюбимый Крым. «Ничего, ноутбук буду прятать куда-нибудь, – успокаивала себя Маша, хотя услужливое воображение подсовывало картинку: она роет ямку под деревом, закапывает туда ноутбук и, оглядываясь по сторонам, крадется к дому, в котором спят хозяева. – Зато море, фрукты, песок... в общем, Косте будет хорошо».

– Мам, я на море не хочу, – решительно заявил сын, узнав о ее планах.

– С ума сошел? – изумилась Маша. – Знаешь, как на море здорово!

– Знаю. Я там уже два раза был, – напомнил Костя. – Мне не понравилось. Да чего там хорошего – просто большая лужа, только соленая.

– Тогда ты был маленький, глупый! А сейчас ты плавать будешь, на экскурсии съездим, пещеры посмотрим. Хочешь в пещеру?

– Я в деревню хочу, – тихо сказал Костя, отвернувшись в сторону и копаясь в шкафу с посудой.

Маша вздохнула и села на табуретку.

– Хорошо, – устало согласилась она. – Я попробую еще раз поискать – может быть, нам сдадут какой-нибудь домик на лето. Не на все три месяца, конечно, – на все денег не хватит, – но хотя бы на два. И не разорять ты шкаф, твоя немытая чашка в раковине стоит!

На следующее утро Маша накупила газет и села звонить по объявлениям. Она успела сделать три звонка и

выяснить, что ни один из вариантов ей не подходит, когда телефон в ее руке дернулся и заверещал так, что она вздрогнула.

«Костя, поганец, опять звонок поменял!» – мелькнуло у нее в голове, пока она нажимала кнопку соединения. И вместо того чтобы сказать «алло», она грозно выдохнула в телефон:

– Придешь домой – убью!

В телефоне повисло молчание, а затем мягкий женский голос осторожно спросил:

– Маша, ты? Это Вероника. Извини, я, наверное, не вовремя...

Вечером Костя валялся на диване, а радостная Маша разбирала вещи в шкафу, откладывая в сторону то, что нужно взять с собой, и пересказывая сыну утренний телефонный разговор.

– В общем, тетя Вероника с мужем приглашают нас к себе на все лето. Представляешь? Бесплатно! Костя, ты знаешь, как там у них здорово?

– Мама, да помню я, мы же вместе ездили! Ты забыла все, что ли?

– Точно, забыла, – рассмеялась Маша, покачав головой. – Они же в прошлом году на выходные нас приглашали. Надо же, совсем из головы вылетело... Ну что, ты рад?

– Рад, конечно. Жалко только, что у них Димка маленький, а то было бы совсем здорово.

– Во-первых, не такой уж и маленький – ему уже восемь лет. Во-вторых, Ирка большая.

– Ирка – девчонка, – возразил сын. – Девчонка – это не то. В деревне принципиальна мужская компания.

– Где ты таких выражений набрался? – изумилась Маша. – От отца, что ли? Будет тебе мужская компания,